

Жил Буславьюшка – не старился,
Живучись, Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевич.
Стал Васенька на улочку похаживать,
Не легкие шуточки пошучивать:
За руку возьмет – рука прочь,
За ногу возьмет – нога прочь,
А которого ударит по горбу –
Тот пойдет, сам сутулится.
И говорят мужики новгородские:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Тебе с этою удачей молодецкою
Наквасити река будет Волхова».
Идет Василий в широкие улочки,
Не весел домой идет, не радощен,
И встречает его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевич!
Что идешь не весел, не радощен?
Кто же ти на улущке приобидел?» –
«А никто меня на улущке не обидел.
Я кого возьму за руку – рука прочь,
За ногу кого возьму – нога прочь,
А которого ударю по горбу –
Тот пойдет, сам сутулится.
А говорили мужики новгородские,
Что мне с этою удачей молодецкою
Наквасити река будет Волхова».

И говорит мать таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Прибирай-ка себе дружину хоробрую,
Чтоб никто ти в Новеграде не обидел».
И налил Василий чашу зелена вина,
Мерой чашу полтора ведра,
Становил чашу среди двора
И сам ко чаше приговаривал:
«Кто эту чашу примет одной рукой
И выпьет эту чашу за единый дух,
Тот моя будет дружина хоробрая!»
И сажился на ременчат стул,
Писал скорописчатые ярлыки,
В ярлыках Васенька прописывал:
«Зовет-жалует на почестен пир»;
Ярлычки привязывал ко стрелочкам
И стрелочки стрелял по Новуграду.
И пошли мужики новгородские
Из тоя из церкви из соборныя,
Стали стрелочки нахаживать,
Господа стали стрелочки просматривать:
«Зовет-жалует Василий на почестен пир».
И собиралися мужики новгородские увалами,
Увалами собиралися, перевалами,
И пошли к Василью на почестен пир.
И будут у Василья на широком на дворе,
И сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Мы теперь стали на твоём дворе,
Всю мы у тя еству выедем
И все напички у тя выпьем,
Цветно платье повиносим,

Красно золото повиытащим».
Этыя речи ему не слюбилися.
Выскочил Василий на широкий двор,
Хватал-то Василий червлёный вяз,
И зачал Василий по двору похаживати,
И зачал он вязом помахивати:
Куда махнет – туда улочка,
Перемахнет – переулочек;
И лежат-то мужики увалами,
Увалами лежат, перевалами,
Набило мужиков, как погодою.
И зашел Василий в терема златоверхие:
Мало тот идет, мало новой идет
Ко Васильюшке на широкий двор,
Идет-то Костя Новоторжанин
Ко той ко чаре зелена вина
И брал-то чару одной рукой,
Выпил эту чару за единый дух.
Как выскочит Василий со новых сеней,
Хватал-то Василий червлёный вяз,
Как ударил Костю-то по горбу.
Стоит-то Костя – не крянется,
На буйной голове кудри не ворохнутся.
«Ай же ты, Костя Новоторжанин!
Будь моя дружина хоробрая,
Поди в мои палаты белокаменны».
Мало тот идет, мало новой идет,
Идет-то Потанюшка Хроменький
Ко Василью на широкий двор,
Ко той ко чаре зелена вина,
Брал-то чару одной рукой
И выпил чару за единый дух.

Как выскочит Василий со новых сеней,
Хватал-то Василий червлёный вяз,
Ударит Потанюшку по хромым ногам:
Стоит Потанюшка – не крянется,
На буйной голове кудри не ворохнутся.
«Ай же Потанюшка Хроменький!
Будь моя дружина хоробрая,
Поди в мои палаты белокаменны».
Мало тот идет, мало новой идет,
Идет-то Хомушка Горбатенький
Ко той ко чаре зелена вина,
Брал-то чару одной рукой
И выпил чару за единый дух.
Того и бить не шел со новых сеней:
«Ступай-ка в палаты белокаменны
Пить нам напитки сладкие,
Ества-то есть сахарные,
А бояться нам в Новеграде некого!»
И прибрал Василий три дружины в Новеграде.
И завелся у князя новгородского почестен пир
На многих князей, на бояр,
На сильных могучиих богатырей.
А молодца Василья не почествовали.
Говорит матери таковы слова:
«Ай же ты, государыня матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна!
Я пойду к князьям на почестен пир».
Возговорит Авдотья Васильевна:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо роженое!
Званому гостю место есть,
А незваному гостю места нет».

Он, Василий, матери не слушался,
А взял свою дружину хоробрую
И пошел к князю на почестен пир.
У ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Прямо шел во гридню столовую.
Он левой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый стол,
За дубовый стол, в большой угол,
И тронулся на лавочку к пестно-углу,
И попихнул Василий правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Все стали гости в пестно-углу;
И тронулся на лавочку к верно-углу,
И попихнул левой рукой, левой ногой:
Все стали гости на новых сенях.
Другие гости перепалися,
От страху по домам разбежались.
И зашел Василий за дубовый стол
Со своей дружиною хороброю.
Опять все на пир собирались,
Все на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
И все на пиру порасхвастались.
Возговорил Костя Новоторжанин:
«А нечем мне-ка, Косте, похвастати;
Я остался от батюшки малешенек,
Малешенек остался и зеленешенек.
Разве тым мне, Косте, похвастати:
Ударить с вами о велик заклад
О буйной головы на весь на Новгород,
Окроме трех монастырей – Спаса преображения,

Матушки Пресвятой Богородицы,
Да ещё монастыря Смоленского».

Ударили они о велик заклад,
И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:

«Идти Василью с утра через Волхов мост;

Хоть свалят Василья до мосту,
– Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйну голову;

Хоть свалят Василья у моста, –
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйну голову;

Хоть свалят Василья посередь моста, –
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйну голову.

А уж как пройдет третью заставу,
Тожно больше делать нечего».

И пошел Василий со пира домой,
е весел идет домой, не радошен.

И встречает его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:

«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожное!

Что идешь не весел, не радошен?»

Говорит Васильюшка Буславьевич:

«Я ударил с мужиками о велик заклад:

Идти с утра на Волхов мост;

Хоть свалят меня до моста,

Хоть свалят меня у моста,

Хоть свалят меня посередь моста, –
Вести меня на казень на смертную,

Отрубить мне буйну голову.
А уж как пройду третью заставу,
Тожно больше делать нечего».
Как услышала Авдотья Васильевна,
Запирала в клеточку железную,
Подперла двери железные
Тым ли вязом червленым.
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла в даровья князю новгородскому,
Чтобы простил сына любимого.
Говорит князь новгородский:
«Тожно прощу, когда голову срублю!»
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась пошла, запечалилась,
Рассеяла красно золото, и чисто серебро,
И скатен жемчуг по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:
«Не дорого мне ни золото, ни серебро, ни скатен жемчуг.
А дорога мне буйная головушка
Своего сына любимого,
Молода Васильюшка Буслаева».
И спит Василий, не пробудится.
Как собирались мужики увалами,
Увалами собирались, перевалами,
С тыми шалыгами подорожными;
Кричат они во всю голову:
Ступай-ка, Василий, через Волхов мост,
Рушай-ка заветы великие!
И выскочил Хомушка Горбатенький,
Убил-то он силы за цело сто,

И убил-то он силы за другое сто,
Убил-то он силы за третье сто,
Убил-то он силы до пяти сот.
На смену выскочил Потанюшка Хроменький
И выскочил Костя Новоторжанин.
И мыла служанка, Васильева портомойница,
Платьница на реке на Волхове;
И стало у девушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать,
Убило силы-то за цело сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то за третье сто,
Убило силы-то до пяти сот.
И прискочила ко клеточке железные,
Сама говорит таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Ты спишь, Василий, не пробудишься,
А твоя-то дружина хоробрая
Во крови ходит, по колен бродит».
Со сна Василий пробуждается,
А сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, любезная моя служаночка!
Отопри-ка дверцы железные».
Как отперла ему двери железные,
Хватал Василий свой червлёный вяз
И пришел к мосту ко Волховскому,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же любезная моя дружина хоробрая!
Поди-тко теперь опочив держать,
А я теперь стану с ребятами поигрывать».
И зачал Василий по мосту похаживать,
И зачал он вязом помахивать:

Куда махнет – туда улица,
Перемахнет – переулочек;
И лежат-то мужики увалами,
Увалами лежат, перевалами,
Набило мужиков, как погодою.
И встречу идет крестовый брат,
Во руках несет шалыгу девяноста пуд,
А сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, мой крестовый брателко,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестового брата не насакивай!
Помнишь, как учились мы с тобой в грамоты:
Я над тобой был в то поры больший брат,
И нынь-то я над тобой буду больший брат».
Говорит Василий таковы слова:
«Ай же ты, мой крестовый брателко!
Тебя ля черт несет навстрету мне?
А у нас-то ведь дело деется, -
Головами, братец, играемся».
И ладит крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья в буйну голову.
Василий хватил шалыгу правой рукой,
И бил-то брателка левой рукой,
И пинал-то он левой ногой, -
Давно у брата и души нет;
И сам говорил таковы слова:
«Нет на друга на старого,
На того ли на брата крестового, -
Как брат пришел, по плечу ружье принес».
И пошел Василий по мосту с шалыгою.
И навстрету Васильюшку Буслаеву
Идет крестовый батюшка, старичище-пилигримище:

На буйной голове колокол пудов во тысячу,
Во правой руке язык во пятьсот пудов.
Говорит старичище-пилигримище:
«Ай же ты, мое чадошко крестовое,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестового батюшка не наскакивай!»
И возговорит Василий Буславьевич:
«Ай же ты, мой крестовый батюшка!
Тебя ли черт несет во той поры
На своего на любимого крестничка?
А у нас-то ведь дело деется, -
Головами, батюшка, играемся».
И здынул шалыгу девяноста пуд,
Как хлыстнул своего батюшка в буйну голову,
Так рассыпался колокол на ножевые черенья:
Стоит крестный – не крянется,
Желтые кудри не ворохнутся.
Он скочил батюшку против очей его
И хлыстнул-то крестного батюшка
В буйну голову промеж ясны очи -
И выскочили ясны очи, как пивны чаши.
И напустился тут Василий на дома на каменные.
И вышла Мать Пресвятая Богородица
С того монастыря Смоленского:
«Ай же ты, Авдотья Васильевна!
Закличь своего чада милого,
Милого чада рожоного,
Молода Васильюшка Буслаева,
Хоть бы оставил народу на семена».
Выходила Авдотья Васильевна со новых сеней,
Закликала своего чада милого.